Фокусы жизни

Андрей Ковалёв

Андрей Ковалев

Фокусы жизни

«ЖИВЕМ»

2013

УДК 821.161.1-7(081)
ББК 84(2-411.2)64-7я44

Ковалев А. В.

Фокусы жизни / А. В. Ковалев — «ЖИВЕМ», 2013

«Меня тут спросили:– Андрей, а тяжело писать моноспектакли?Сначала думаю: у меня потрясающая идея, я гений. Накидываю массу наблюдений страниц на пятьдесят на заданную тему. Перечитываю – ерунда какая-то. Выстраиваю в более-менее логическую цепочку, даю почитать…»

УДК 821.161.1-7(081)
ББК 84(2-411.2)64-7я44

© Ковалев А. В., 2013
© ЖИВЕМ, 2013

Содержание

Фокусы жизни! 6
Поколение 7
Контроль 8
Письмо 9
Соня 10
Чувство юмора 11
«Стоматолог смотрит тебе…» 12
«Я никак не могу понять…» 13
Звонок 14
«То ли жизнь стала…» 16
Железные дороги опять увеличивают плату за проезд! 17
Сорок лет! 18
Да что за мужики пошли! 20
«Кабинет хирурга…» 21
Опять новый закон 23
Перспективы творчества 25
Оптимист 26
Вот такое оно, ЖКХ! 27
Звонок 29
Банк: апокалипсис в зале для коммунальных платежей 31
Два взгляда на одну проблему 33
Перекос 34
Вот такой попадёж! 35
«Почему же мне так…» 36
Пятница 37
Год эдак 2001–2002. Собрание где-то 38
«Вечер. Муж с женой…» 39
Отзыв об отеле 40
Ко мне подошел поэт 41
«Молоденькая журналистка…» 43
Маршрутка 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Андрей Ковалев
Фокусы жизни

© Ковалев А., текст, 2013
© ООО «Живем», 2013

* * *

Фокусы жизни!

Меня тут спросили:

– Андрей, а тяжело писать моноспектакли?

Сначала думаю: у меня потрясающая идея, я гений. Накидываю массу наблюдений страниц на пятьдесят на заданную тему. Перечитываю – ерунда какая-то. Выстраиваю в более-менее логическую цепочку, даю почитать. Жена, прочтя первый вариант «День, полный жизни», спросила:

«У тебя все нормально в жизни?» Потом эту всю написанную конструкцию разбираю и складываю по-новому. Складываю с чувством «опять чего-то делаю не то». Страниц десять выкидываю с криком: «Какой дурак все это написал?» Никому ничего не даю читать, просто недели две-три хожу, сам на себя злюсь. Случайно посещает мысль: «Так вот же!» – и все становится на свои места. Опять все разбираю под новый замысел. Конец переносится в начало, середина убирается, становится понятно, что нужно дописать. Распечатываю, даю читать. Прочитавшие что-то зачеркивают, пишут, где что непонятно, ставят знаки вопросов, мол, а это здесь почему? Опять переписываю. Общий объем текста должен быть страниц девятнадцать-двадцать, не больше. На данном этапе он двадцать восемь. Сажусь сокращать, и – о чудо! – он становится тридцать четыре страницы. Потом та идея, которая вроде бы подошла с криком «так вот же!», оказывается, не подходит. Все переигрываю по новой. Теперь уже долго, нудно, неприятно, и теперь уже сам не знаю, где тут что. Потому что текст этот вижу уже в пятисотый раз. Опять даю читать, опять правки, меняю местами, дописываю, переписываю, меняю падежи. Потом начинаю пробалтывать текст вслух. И опять: «Кто так сформулировал? А это здесь при чем?» Беру ручку, зачеркиваю. В таком режиме пробалтывания и с ручкой дохожу до конца. Бегу перепечатывать. Я в этом тексте уже вообще ничего не понимаю. Нанимается режиссер. Теперь я исполнитель. Но!

С идеей другого, еще более гениального спектакля.

– Это понятно. А откуда идеи?

– Мужчина, вас ударить?

Поколение

По телевизору управляющий рассказывает о перспективах развития, у меня, знаете, какая мысль? Ну что ж ты такой никакой? Вот никакой. Не добрый, не злой, не хитрый, не симпатичный… как польское яблоко зимой – безвкусное, вата. Хозяева заводов, телеканалов, фабрик – злые, добрые, справедливые, несправедливые… смотришь на них – и интересно: что ж ты там себе думаешь? Вот бы у него спросить. А эти же, причем их довольно много, откуда-то повылазили и сели в кресла замов, директоров филиалов. Их где-то напечатали под копирку и выпустили большой партией. Правильно причесанные, всегда побритые, опрятно одетые, ничего не решающие, матом не ругающиеся, не курящие, в меру выпивающие, никогда на работе не устающие и всегда при разговоре с подчиненными смотрящие в ноутбук. Они в Интернете нигде не зарегистрированы, но все просматривают. Своего личного мнения у них, видимо, тоже нет, а на форуме про супружеские измены выкладывать план продаж на следующий год, согласитесь, не в тему. Невозможно услышать личное мнение. Формулировки расплывчатые и неопределенные.

– Как вы думаете, все это еще долго будет продолжаться?

– Возможно, нет, а может быть, и да.

Женатые. Девоньки, а они что по приходу с работы говорят: «В этом квартале наши продажи упали по сравнению с прошлогодним периодом, налей мне виски с колой, только с виски не переборщи»? Так? Ужас! А с чего тогда вы начинаете скандалы? Ну, потому что я не могу себе представить вот этого с галстуком и всегда чистыми ботинками, заходящего домой и со словами: «Да как вы меня все задолбали» – кидающего портфель. Я не могу его представить на дискотеке пьяного в слюни. Цукерберга – могу, а этого – нет. В разговоре исключительно «доходы, расходы, затратная часть, интересы компании». Они не интересуются футболом, они не делают ничего противозаконного, они обеспокоены продажами. Они если и помогают детским домам, то только в присутствии телекамер – и опять про политику компании, проводимую в рамках… Они даже не тщеславные: «Да что вы меня показываете, покажите лучше производство». Лица невозможно запомнить. Забываются тут же при выходе из кабинета, в памяти остается только лицо секретарши. Казалось бы, с такой внешностью работать нужно в другом ведомстве. Но у работников того ведомства как раз таки лица какие? Доброжелательные!.. А тут растение, выполняющее функцию, в случае чего легко вырываемое и другое на то место сажаемое, потому что предыдущее корнями не проросло, оно никуда свой нос не засовывало, не мутило, знать ничего не знает. Ему даже молчать не о чем. Сидим за столиком в кафе на променаде (о, лирика получилась!), хозяин конторы мне про футбол и «Зенит» – в основном матом. Про жену, секретаршу, Тайланд (интересно кстати!)… Нам уже второй графин принесли (ну вот так решили мы в три часа дня!). Этот сидит, чего-то пишет и воду пьет без газа. Он даже воду и ту пьет без газа! Одно хорошо, не все они такие, есть еще раздолбаи…

Контроль

– Самое эффективное наше оружие в борьбе с электоратом – все еще населяющим и проживающим! – это штраф. Бессмысленный, беспощадный и ощутимый… Очень удобный вид деятельности, абсолютно беззатратный. Всегда можно сказать: «Мы для вас же…»

И удобный, кстати, для отчета в конце года. Зачем чего-то строить, вводить, пробовать, экспериментировать? Ну, сколько мы здесь еще? Год, два, три? А получится оно – не получится, неизвестно. Штраф получится всегда. За курение, распитие, выгул, загул, пребывание… Что еще? Помогайте…

(Человек в костюме)

– За наличие?

– Молодец. И отсутствие тоже. А еще за молчание, разговоры, написание, где бы то ни было, чего бы то ни было. Действуем убедительно и бескомпромиссно, пребывая на стороне большинства. Ну что? Кому? Сколько? Кто, чем?

– Я тут на поляне в собачью… эту… это…

– Вот! Тебя откуда к нам, смышленого такого?

– Да там…

– Красавец. Чего ты там пишешь?

– Да так…

– И многие тоже возмущаются. Мол, не пройти по газону, скользко. Устанавливаем штраф в размере пятисот, нет! – тысячи, давайте три тысячи… Без разницы. Кто будет проверять? Кто контролировать, как вообще – не наша забота. Наша забота – заботиться как можно заботливее. Что?

– …оля.

– Чего?

– …ля еще.

– Какая Оля? А-а, воля!

– Ага.

– Конечно! Как же без воли и решительности?! Чтоб как-то… чтоб как-то – и точка! Чтоб было впечатление, что все под контролем. Коррупция возмущает? А у нас штрафы. Вот недавно одна стырила семьсот тысяч, а мы ее на пятьдесят пять оштрафовали.

– Правильно.

– Спасибо. Не понял. Вы чего там пишете?

– Продолжайте.

– Благодарю. Мы должны быть эффективны, реагируя на происходящее, тогда будем в отделе не «за что», а «как». А это уже другие перспективы. Ой, аж голова кругом пошла.

– Соберитесь.

– Я спокоен. Можно ведь, ой, сколько всего можно.

И паспорта каждые полгода менять. Загранпаспорт вообще отдельно на каждую поездку. За возможность заплатить за квартиру – отдельная плата.

– Это уже существует.

– Извините. Прошу прощения, правда, не подумал.

– Аккуратнее.

– Водительские удостоверения, дипломы, аттестаты, бланки пустые – чаще и с большим количеством вариантов оплаты.

– Правильно. Молодец. Справляетесь. До свидания.

– Фу ты! А вы куда? А вы вообще кто?

– Да там… да так… Аттестацию прошли, свободен.

Письмо

Здравствуй, дорогая редакция.

Я замужем уже пять лет. Спустя три года после свадьбы жизнь для меня стала скучна и однообразна, и я начала искать счастье. Где я его только не искала! На работе со всеми поискала. Подумала, может, пропустила кого, переискала еще раз – точно нет. Мужу сказала, чтобы мне шубу и машину купил, думала, счастье в них. Купил. Не в них. Чего ж делать-то? В «Одноклассниках» нашла всех одноклассников, с ними переискала. Муж о чем-то догадывается – я скандалю и говорю про отсутствие радости в жизни. Хандрю, депрессую, муж одну отправил в Турцию. Каждую ночь я искала счастье там. Массажисты, аниматоры, повара… не помню. Девочки, знайте, в Турции счастья нет, я за три поездки упроверялась. Со словами: «За кого ты меня принимаешь?!» – отпрашивалась у мужа на дискотеку и занималась поисками. Однажды искала сразу с тремя студентами, это что-то другое, но не счастье. Я уже на улицах и в магазинах знакомилась, выезжали вместе за город, по гостиницам… Во многих гостиницах со мной уже по имени здороваются, подумают еще чего, – а я же счастье ищу!

Ломала сантехнику, вырубала электричество, приезжали слесари, но счастья они мне не принесли, только расходы, пустой холодильник и оправдание перед мужем, что кастрюлю борща, сковородку котлет съела я за понедельник. Чувствовала я себя при этом глупо, ну какое же это счастье? С мужьями подруг искала. Было все: звонки, выбитые зубы, вырванные волосы, но только не счастье… Мужу сказала, чтобы квартиру на дом поменял, думала – аура. Поменял. Аура та же, несчастливая. Хотя строители через день меня убеждали в обратном. Я даже под предлогом командировки к бывшему уезжала, неделю у него счастье искала. Нашла только неприличные болезни. Друзья мужа меня тоже не привели к радости в жизни, одни проблемы только от них, да маленькие такие, кусачие. Дала объявление в газету: «Согласна приехать в поисках счастья за так». Конечно, анонимно, под псевдонимом «Марго», что ж я – дура, что ли.

Мама моих поисков не одобряет, особенно с объявлением, говорит, перебор, а она знает, что говорит, девять раз замужем была.

Так мы и живем, муж на трех работах пашет, а я счастье ищу. Что же мне делать-то, дорогая редакция? Я уже отчаялась, где счастье то найти? Жизнь идет, а нет его. Вот опять звонок, все, выхожу из Интернета, надо ехать, может, как раз сегодня повезет?..

Соня

У нас в доме живет кошка. Серая, русская голубая (так мне сказали лет восемь назад, когда я ее покупал). Вряд ли чистая порода – кривенькая, косенькая, непропорциональная. Хвост был великолепный: пушистый, полосатый. Встала – все перечисленное с приставкой «не». Когда лежит – шикарная порода, встанет – не шикарная. В общем, на гостей производит эффект лежа или сидя. Меня уважает, жену терпит, старший, по-моему, ее вообще может узлом завязать, к младшему, наверное, сама не знает как относиться, он появился в доме после нее, пару раз царапала, за что у нее случались свидания со стеной. Тещу любит. Та приходит, кормит вырезкой и рыбой без костей. Необычайно разговорчивая кошка. Соня! «Р-рммр-р-у-у». Особенно когда голодная. С женой на кухне разговаривает. Пару раз ловил себя на том, почему другие кошки молчат? До сих пор игривая, если валяются мелкие предметы на полу – ночь может случиться веселая. Загоняет колесики, шарики, мячики, карандаши… младший ходит, плачет, ищет. Друг от друга, мягко говоря, они не в восторге. Мыться не любит. Видимо, травма какая-то. Не любит настолько, что, когда ее берешь на руки и только начинаешь подходить к ванной – рычания, шипы, гортанные звуки, когтями за все цепляется… в общем, самому страшно. Как и у всех женщин, проблемы с координацией. То в дверь впишется, то с кресла упадет, то до кровати не допрыгнет. В отличие от кошек, коты на всю голову, по-хорошему, шибанутые. (Не чокнутые, а именно это слово.) Девяносто процентов видео – коты. Обожает вместе со мной смотреть передачи про животных. Прям аж переключать порой жалко. Случаются загулы. Ну, тут несколько выходов: открытая входная дверь, кот, стерилизация, таблетки. Пару раз сильно чем-то болела, носили миски с водой – у кошек быстро происходит обезвоживание. Интересуется всем. Каждый день обход территории – обнюхивания, засовывания морды… Если открыта дверь шкафа, обязательно туда полностью. Бывает, гадит не совсем в плошку. Ну, как «не совсем» – в другой комнате. По ней можно определять, кто заболевает в доме. Если кошка ложится на спину, живот – градусник, аспирин. Кошка наглая, спать может везде. В ногах, на столе, на дисках… везде. Обожает коробки, у нее там домики. Кошка фронтовая, перенесла несколько переездов. Любознательна. Где бы что-то в квартире ни происходило, ее присутствие обязательно. Не любит пустые миски. Даже если сытая, будет ходить, мяукать, требовать, чтобы насыпали. Обязательно трется о руки, когда насыпаешь. От кальмаров и креветок дуреет – можно почувствовать себя Куклачевым, дети изучают азы дрессировки. С годами все меньше сходство с русской голубой – худой и поджарой, наша шире.

Несколько дней назад одна женщина говорит другой, глядя на свою собаку:

– Вот, завтра в клинику повезу, надоел.

Подумалось мне: «Он за тебя реально жизнь был готов отдать, а ты… Тебя бы так – палата, кровать, заходит врач со шприцем в руке и со словами “извини дружок…”».

Покупая животное, знайте, они болеют, блюют, мочатся, от них шерсть, они грызут, царапают. И пусть это для вас не будет неожиданностью.

Чувство юмора

Какое-то вечное состояние недодачи. Смотрю по телевизору юмористическую передачу. В отеле мужчина говорит уборщице:

– Мне ваш отель рекомендовали как самый лучший, но у меня пропал мобильный телефон.

Она, протягивая ведро:

– Посмотрите здесь.

– Здесь не мои.

Она:

– Тогда спросите у бармена.

За кадром смех – я в недоумении. Все остальные сценки примерно такие же. И вроде бы и снято хорошо, и планы грамотные, и актеры вроде ничего, но не смешно, а это, мне кажется, главная задача. Ну, это как идете вы в приезжий цирк. И ребенка красиво одели, и зал полный, и вроде крутился под куполом кто-то, предметы подкидывали, клоуны кричали, собаки с медведями полудохлые присутствовали, а ощущение – лажа. И возвращаетесь вы молча на машине, и выпить охота. «Опять обманули». Кстати, недавно смотрел по телевизору выступление дрессировщика с десятью львами, все холеные, и таскал он их на себе, и голову в пасть, и все они строем у него ходили. Не люблю цирк, но тут просто шикарно – и не признать это невозможно. Открываешь газету, а там интервью с артистом, и он про «у нас не как у всех, мы не как они, сценарий гениальный, я только из-за режиссера». Думаешь, ну теперь-то не должны. Покупаешь билеты на премьеру, смотришь – опять ерунда. Ну не может мужчина криком признаваться в любви, а потом орать об измене. (Особенно смешно это всегда выглядит в театре.) С женой зашли в один арт-салон. Грязно, холодно, какие-то некрасивые коряги, нелепые подписи внизу. На выходе хозяин – там просто по тридцать рублей с человека. Отдали. У нее испортилось настроение, я предложил зайти в кафе.

В другом салоне другая крайность: бронзовая статуэтка двадцать пять тысяч. И опять подозрения и хочется скорей забыть.

Смотришь новости – периодически говоришь: «Да ладно!» Ну, как периодически, после каждого сюжета.

Знакомишься с человеком, он тебе сам и вдруг про совесть у людей, про как же так можно, ну и нравы. А спустя месяц он, оказывается, мудак. А ты опять: «Да ёлки!..»

А потом мы приходим на работЫ со словами: «Если они ко мне так, я тоже… Люстры будем продавать без проводов!» Вечером в продуктовый, а там те, кто к нам днем заходил: «Да нормальное молоко, ничем таким салат не пахнет».

Так мы и ходим по кругу. Они нас из телевизора, мы их в жизни. Нас вечером, мы утром. Страшно выбегать за пределы собственной компетентности и арендованного помещения – обберут и настроение испортят. Почти каждое возвращение сопровождается словами: «Ну я им щас покажу, дайте ценник и фломастер».

Не вызывают у меня доверие магазины, в которых в начале октября уже развешаны новогодние украшения. Неприятно мне все это. Как и передача, она вроде бы юмористическая, но не смешная.

«Стоматолог смотрит тебе…»

Стоматолог смотрит тебе на зубы и спрашивает:
– Чай?
– Нет.
– Кофе?
– Да.
– Понятно.
Парикмахер смотрит на прическу и спрашивает:
– Где стриглись?
– Там-то.
– Все ясно.
Хозяин магазина щупает свитер и задает вопрос:
– Турция?
– Да.
– Приходите лучше к нам.
Строители, заходя в квартиру:
– Это ж кто вам так сделал потолок?
Нарколог так смотрит, что вообще не надо ничего говорить.
В обувном продавец, глядя на вашу обувь:
– У нас есть как раз ваш размер, и совсем недорого.
На родительских собраниях, заполняя прописью, выбираешь знакомые слова, чтоб наверняка.
Бывшие говорят:
– А хорошо, что мы с тобой когда-то разошлись, иначе я бы не встретила…
На какой бы вы машине ни заехали в автосервис, обязательно услышите:
– Н-да…
Жены говорят: – Если б не ты…
Родители: – Ну что же ты…
Начальники: – Ах, если б ты…
Приятно, знаете, только с кем общаться? Со своими бывшими учителями.
– Какой же ты был раньше… а каким стал!..

«Я никак не могу понять…»

Я никак не могу понять, кто с кем борется, а главное – за что? В газетах что-то про зажимание и тридцать седьмой год. В Интернете – группы, сообщества, акции, «за свободу», «демократию», «светлое будущее», «за голубое небо»… (Последние два от себя, совпадения – случайны.) Те, кто стоят на трибуне, недовольны существующей, и предлагают себя вместо тех, кто за стеной. Это единственное, что они предлагают, а спустившись, нарываются на дубинкой по морде, лучше, чтобы в присутствии видеокамер, идеально, чтоб еще и забрали и там наваляли, чтоб был повод опять забраться. Есть еще одни, которые недовольны теми, кто за стеной, и теми, кто на трибуне. У них аргумент – и те и другие продажные, а мы – нет. Одни изнутри, другие снаружи. Все это говорится с прищуром и киванием головой. Другой говорит: «Ну и законы». Говорит он это со значком депутата, который и принимает эти законы. Заметьте, вся волна недовольства – про отсутствие свободы слова, демократии, тридцать седьмой год – из федеральных газет. «Ой, не дают говорить», – пишет он на страницах одной газеты. «Крылья подрезали, молчать заставляют» – статья в другой. «Тираны, зажимают», – говорит другой по федеральному каналу. Еще один собирает с группой через день стадионы и там про свободу и ее отсутствие. Другая ежедневно говорит по радио: «Нам не дают говорить». Те, кто был во власти, стремятся туда опять со словами «уж я-то знаю как надо».

В Интернете ролики с кучей просмотров. Блогеры с миллионами подписчиков, общий смысл постов – «меня никто не слышит, дайте сказать». «Мне постоянно затыкают рот» – об этом я и написал в своей новой книге. Митингующие на площадях кричат: «Нам не дают собираться!»

Страна абсурдов. Родина Хармса, Жванецкого и Шендеровича.

Звонок

– Андрей, а не могли бы вы написать в наш журнал небольшую статью, на две страницы, про фондовую биржу.

– А что я могу написать про фондовую биржу?

– Я не знаю, но я вас читала в «Фейсбуке» и «ВКонтакте», у вас такой слог.

– Про фондовую биржу я могу написать ровно то же, что и про ядерную физику, мелиорацию земель и системы вентиляции, то есть ничего.

– Жалко, а про системы вентиляции у нас практикантка Анжела четыре страницы написала.

Интересное время пошло, поверхностное, вершковое. Начальники подтвердят: специалисты узкого профиля реально на вес золота, не найти. Зато широкого завались, как грязи. Все умеют всё и в то же время ничего. Куча народу со следующим послужным списком: советник по общим вопросам, заместитель по хозяйственной части, главный редактор, таксист, продавец в магазине, безработный, директор по поставкам, политолог. Порядок можете изменить – сути не меняет. Ни с кем нельзя ссориться, сегодня он осветитель в театре, завтра директор конкурсного агентства. (Там кого-то в правительство занесло, оказался родственником по линии жены.)

Строительные бригады, якобы делающие ремонты под ключ. Чуть что с отоплением – «у нас нет специалистов, мы только мешки носим». Полный комплекс, ремонт автомобиля! Чуть что с двигателем – «а у нас моториста нет, давайте мы вам лучше машину помоем». Печать любых видов! – «не, ну, как любых… кроме книг в твердом переплете и концертных афиш, а визитки, буклеты – без проблем, только с вас макет, у нас дизайнер уволился». Все виды стоматологических услуг! – «там у вас такая проблема, нужен специальный аппарат, а у нас его, во-первых, нет, а во-вторых, у нас никто на нем и никак…»

Я могу еще долго и нудно перечислять. Удивительно, человек, проработавший десять лет видеоинженером на телевидении, не знает как обработать звук, сделать эхо. У него куча свободного РАБОЧЕГО времени. Что мешает изучить программу?

Уточнения рождают белый цвет лица, растерянность, слова «может, уже завтра». На следующий день получение люлей от руководителя и крики «с кем приходится работать!». В лучшем случае штраф, в худшем – увольнение.

Юристов – в кого ни плюнь. Бухгалтеров – стадионы, знакомые директора не спят, боятся, что опять бухгалтер чего-то не доглядит.

Народ бежит, бежит, просматривая брошюры про специальность. «Какие тонкости профессии? Времени нет».

А потом вот это: «мы делаем, но…», «мы можем, вот только…».

У меня знакомый занимается металлоконструкциями. Говорит, сварщик замучил шантажом. «Каждый месяц ему увеличиваю зарплату, он уже зарабатывает больше, чем я, и ничего не могу поделать, золотые руки, все знает и умеет. У меня такое впечатление, что он может железяку к палке приварить. Куда я без него?»

Другой, помню, вечно с журналами сидел про машины. Какие-то там двигатели в разрезе…, сейчас к нему в гараж запись на несколько лет вперед. Говорит: «Я уже фольксвагены“,фудюхи“ не беру, неинтересно, бентли“,мерсы-221-,кайены“… вон, видишь, мазерати“ стоит, чего-то с электроникой, никто сделать не смог, завтра покопаюсь, хозяин сказал: плачу любые деньги».

Вывод: изучайте свое дело. Теория – практика, практика – теория. Уйдет лет пять-десять, зато потом можно ногой открывать двери отдела кадров, говорить про «а я еще… а у меня…

а еще могу…». Потом спрашивать: «Ну, так я пошел?» А месяца через два, продемонстрировав умения, опять зайти и говорить про «ой, цены, ой, все так дорого, или я ухожу?»

Звонок…

– Мы фильм решили снимать. Уже сняли природу, подобрали актеров, сделали рекламный ролик. Андрей, вы у нас сниметесь?

– А вы когда-то что-то снимали?

– Нет. А зачем? Там ничего сложного.

– Пришлите сценарий.

– А у нас его еще нет.

– Зашибись!

«То ли жизнь стала…»

То ли жизнь стала чаще подкидывать такие ситуации, то ли я стал чаще их замечать? Загуляла дома кошка, заезжаю в ветеринарный магазин. Муж с женой у прилавка.

Жена:

– Наша кошечка проглотила муху и вот уже целый день ничего не ест. Мы переживаем, она переживает, жизнь превратилась в кошмар, есть какие-то таблеточки?

Продавец:

– Конечно, вот капли.

– А еще что-то от желудочка?

– Вот, пожалуйста.

– И от стресса. И от депрессии. Она у нас такая ранимая, у нее такие прям глазки.

Муж:

– А давай еще игрушек ей купим.

– И корм, самый дорогой. Килограмм, нет, два, давайте четыре.

Потом были таблетки для восстановления после стресса, витамины, капли для настроения вообще. Набрали тысячи на три. Продавец довольная, аж покраснела.

Подхожу:

– У вас есть что-то от кошкиных загулов, чтобы не орала как недорезанная?

– Вот таблеточки, семьдесят шесть рублей, можно давать пять дней, но не больше.

– А если больше, то чё, сдохнет? Наконец-то.

Пока ехал в машине до продуктового магазина – смеялся в голос в салоне. В магазине улыбался, хихикал.

Продавец:

– Мы, конечно, знали, что вы веселый, позитивный, но не думали, что настолько.

Рассказал. Смеялись в голос вместе. Жену дома насмешил. Ваша очередь.

Железные дороги опять увеличивают плату за проезд!

Бедные… Все у них нерентабельно и убыточно, про субсидии чего-то там бормочут, но при этом спонсируют кучу спортивных команд в футболе, хоккее и т. д. На корпоративные вечеринки к себе Стинга уже не приглашают, надоел.

Железнодорожники, а начинайте брать плату за вход на вокзал. Выход. Вход на перрон. С перрона и вход в вагон – отдельная плата. Все билеты без мест, проводники открыто занимаются коррупцией, по приезду отчет в кассу. Окна в вагонах закрыты ставнями. Открытие – за деньги, расчет – по километражу. Периодически по радио крики, визги, звуки пенопласта по стеклу, выключение платно. Каждые полчаса опять включение. Опускание полок – за деньги, нижних полок – двойной тариф, столика – тройной. Летом все окна закрыты, зимой открыты. Улавливаете ход мысли? Для усиления эффекта, а соответственно, удорожания услуги, летом вагоны нужно отапливать, зимой рассаживаем бабушек с вареными яйцами, курицей и салями. Создаем мобильные бригады пьяных дембелей. Они ходят, дебоширят, пристают, в общем, ведут себя как настоящее качественное быдло, вызов полиции – в евро. Места продаем везде, поезд не должен ходить порожняком. Ящики под первыми полками, третьи полки, ящики под вагонами, крыша – дешевле. Отдельный пункт постельное белье. Забираем самое ценное – матрац и одеяло, цену каждой принадлежности привязываем к температуре в Красном море или скорости ветра в Уэльсе. На вопросы: «А чё это?» – отвечаем: «А то и то – мы монополисты». Все остановки платные, выход и открывание двери оплачивается отдельно. Ночью тревога, требования покинуть вагон и выйти в поле. Вход платный. У пассажиров не будет наличности, поэтому можно брать ценные вещи. Туалет! Можно гораздо больше заработать, если закрыть проходы между вагонами и бесплатно поить пассажиров водой, чаем, кофе. И тут им прайс на посещение туалета. Продумать цену для пенсионеров, сделать приемлемой, но больше. Я считаю, неправильный ход немые с книгами, нужно наоборот: громкие, говорливые, с трещетками, бубнами и, вообще, пусть продают музыкальные инструменты, ночью и с громкоговорителями. Вводим концепцию сначала общих вагонов, конечный пункт – теплушки. Надо еще педали поставить, чтобы пассажиры не скучали. Пусть крутят. Тогда можно и без локомотива обойтись. Но цену поднять вдвое, это уже, знаете ли, сервис. Нужно разрешить перевозить с собой животных, сначала мелких, домашних, позже – больших, рогатых. Также разрешаем сначала перевозить крупногабаритные вещи, потом мелкие грузы, затем сыпучие (песок, уголь). Приходим к концепции совмещения вагонов. Так, пассажир сел в Калининграде в вагон, где проводник уже не нужен, смотался в Читу и, сидя на бревнах, вернулся в Москву.

Спустя год-два делаем пилотный проект, когда не вагон везет пассажиров, а пассажиры толкают вагон. Но это будет очень дорого для населения, будем приходить к этому постепенно, мелкими шагами.

Сорок лет!

Я раньше думал, что сорок лет – это очень много.

Не-а. Могу сказать, что тридцать и сорок примерно одинаковый возраст. Дури в башке навалом, по-прежнему сначала делаешь – потом думаешь, вроде бы столько раз обманывали, а все равно сначала тебя обманывают как ребенка – потом едешь с разборками и криками «у меня есть кому позвонить». Пятнадцать – возраст, когда «у меня еще все впереди». Двадцать – двадцать пять – возраст паники: «мне уже двадцать пять, а у меня еще ничего нет». У меня в двадцать пять не было ничего: ни жены, ни ребенка, ни квартиры, ни машины, ни работы. Были теоретические знания и желание «чего-то делать».

Сорок – отличный возраст, оказывается. Диапазон флирта и общения с противоположным полом очень сильно расширился. От сорока пяти и ниже – до совершеннолетия. Отношения с алкоголем стали более-менее понятны. Стало ясно, что лучше, а что хуже. Правда, до сих пор непонятно, сколько можно. До сих пор предложения встретиться, потом крики «а нам все равно», потом забытье, потом царапины, потерянные вещи, потом рассказы, где нас видели, и клятвы «больше никогда». В общем, есть чем заняться ближайший год – восстановлением репутации. А потом опять…

Друзья остались только те, которым можно среди ночи позвонить. Подруги – проверенные временем и безденежьем. И тех и других немного, ну, может, один-два-три, но мы сейчас про качество. Это в семнадцать у тебя друзей полдискотеки, но ровно до драки на танцполе.

Чаще стали обращаться на «вы», редко пока по имени-отчеству, а ты все равно думаешь, как бы на кассе не доплатить или обмануть, и это получается все чаще – опыт же!

В сорок не совсем точно знаешь, где конкретно в твоем организме находятся сердце, почки, печень и т. д. Хотя мобильные телефоны врачей не удаляешь. «На всякий случай!»

Со многими становишься на «ты». Они в должности и звании, а ты с ними на «ты». Приятно.

По телевизору не смешно. В жизни смешнее.

Возраст сорок хорош тем, что ты ну хотя бы более-менее разбираешься в людях. Ты не убиваешь два-три месяца, а то и год на бессмысленное, время становится более качественным.

И предложения как-то сами собой стали появляться, и ловишь себя на том, что выбираешь. Выбор появился. И делаешь все с перспективой на будущее. Странно, чем старше становится человек, тем он больше заботится о будущем. (А хорошо сказал.)

Сорок – это такой возраст, когда ты готов сорваться и куда-то побежать, и тебе есть что положить в чемодан.

А приехав, есть что разложить и предъявить.

В сорок понимаешь, что спрашивать совета нужно, ты экономишь колоссальное количество времени и сил. Более того, это приятно тому, у кого ты спрашиваешь. (Двадцатилетние, запомните это!) Более-менее научился не перебивать в разговоре. Я-то знаю, что хочу сказать, а вот что скажет дальше человек напротив?

Жену до сих пор не знаю. Вообще, совсем. О детях знаю только то, что мне о них рассказала она. (Опять хорошо сказал. Да что ж такое!)

Многое стало реальным. Возможности появились. Издать, построить, создать – вполне себе возможно. Знакомствами обрастаешь.

К сорока ты сам себя начинаешь уважать за сделанное. «Смог. Ну что-то ж я все-таки сделал. Ну вот, хотя бы турник во дворе поставил». Хотя и полно того, о чем и вспоминать не хочется. И планов куча, и не такими уж они и несбыточными кажутся.

Пугает только, знаете, что? Внуки у одноклассниц. Не то что пугает, а я этого понять не могу. Они мне про какое-то счастье, а я вообще не в курсе.

Да что за мужики пошли!

Женская фраза, но лучше выдумать не смог.

То ли мне такие мужики стали часто попадаться, то ли общая тенденция увеличилась. Плачут, рыдают, ухаживают за собой. Я понимаю, ухоженные руки, и все такое – приятно смотреть, но чего-то уж слишком. Вы не находите? Сидишь напротив, и аж неудобно. (И я не говорю про сексуальное меньшинство.) А модные какие стали, глянцевые журналы с интересом листают. Очечки, шарфики, платочки, мобильнички, сумочки. Прям каждый день одеты по-разному. Прям скандалы с истериками в кафе устраивают из-за того, что ему сливок не принесли.

Одного жена бросила и ушла к другому, оставив квартиру, машину, – он уже три месяца звонит ей, плачет и умоляет вернуться. У другого чего-то там не получилось в бизнесе, важная деталь – не получилось то, что он ХОТЕЛ БЫ. Теперь, как он сам говорит, в депрессии и пьет. (Слова-то какие использует.) Ну, как пьет… Винишко. Ты если пьешь, так пей водку. Кто кого сейчас по магазинам водит? Сколько раз видел, идет парень с девушкой по супермаркету, парень вдруг: «Смотри, Оля, скидки, распродажа, давай зайдем». Мужики чудовищно разговорчивые стали. Прям не остановить. Сидит на пеньке, часами говорит жене, копающей клумбу, как нужно копать, перекапывать, но сам при этом ничего не делает. С женщинами, мало того что приятнее, так еще и стало практичнее и выгоднее дружить. Она в доску расшибется, но выполнит договоренности. И без всяких контрактов и договоров. Проверено на себе. Мужики копаются в запятых, переписывают контракты по восемьсот раз, говоря «а если вдруг чего?». Стало обыденным договориться о встрече и не прийти. Не перезвонив, не предупредив. «Ой, завертелся, закрутился чё-та». Сидит – весь какой-то дешевый, грязный, с плохими зубами – и со слезами на глазах жалуется, что не может найти принцессу. Ты сделай что-то, ну хоть что-то, ну как минимум хоть на дискотеку зайди.

Или лежит на диване третий год да про Пэрис Хилтон пришедшей с ночной смены жене, да байки про тенденции моды травит и принесенное ею пиво пьет. «Как же, он ведь ждет…» Он же будет высказывать недовольство, что его тапочки стоят неровно.

Жены вечерами на кухнях уговаривают мужей кредит взять, чтоб ЕМУ машину купить. Она-то, понятно, на трамвае, те боятся – «работать ведь придется».

Мужчины украшают себя и свои машины. Не внутрь, в себя: книгу прочитать, узнать, понять, а сережку в ухо и двойную выхлопную трубу вместо усиления мощности двигателя.

Женщины, наверное, уже боятся мужчинам говорить такие слова, как «отстань, отвянь». Тут же отвянет. Еще и успокаивать потом придется, еще и бегать за ним надо будет и следить, чтобы веревку в руки не взял. Так они и познакомятся, а потом она возьмет его себе в мужья, чтоб обиды не чувствовал. И содержать его будет, и детей родит, и тех еще на ноги поставит, работая на четырех работах.

Мужики боятся друг с другом договариваться на берегу. Страшно им. В итоге расходятся обиженными и всем рассказывают об этом. И будут вредить друг другу, и слухи собирать, и в курилках говорить и говорить о том, что «мир жесток стал и совести у людей не стало».

Возьмите любой журнал, любую газету. Мужики плачут, возмущаются вообще всем, женщины пишут о том, как готовить и деньги добывать. Муж дома – герой с подстриженными ею ногтями на левой руке и протертыми коленками, в Интернете – комментирует комментарии, причем смело, нагло, но анонимно. Жена люстру чинит.

Жены, сослуживицы, подруги, любовницы, прекращайте с вытиранием соплей и слюней! Пинками нужно…

«Кабинет хирурга…»

Кабинет хирурга. Врач, сестра, пятилетний мальчик, его папа. Нужно на ноге прижечь бородавку.

– Сыночка, ты же плакать не будешь? Мы ведь договорились, что тогда я куплю тебе пистолет. Давай садись на кроватку, тетенька сейчас тебе сделает обезболивающий укол.

– А это не больно?

– Нет. Как комарик укусит.

– Ой, ой!.. У-у-у…

– Смотри, какая у тети маленькая иголка.

– Ого! Я домой хочу. Не хочу никакой комарик. Ай, уй, хны.

Вздохи, всхлипы, слезы из глаз, переход в истерику.

– А пистолет?

– Не надо мне никакой пистолет.

– Не, ну а как же… А чё же… Да ёпт твое. Не дергай ногой. Это не больно.

– Ай, ай, фыр, фыр, мама, у-у-у, не хо-чуууу!..

Доктор:

– Мальчик, как тебя зовут?

– Никита-а-а…

– Никита, хочешь яблоко?

– Не-е-е-т…

Отец:

– А я ему сейчас по жопе надаю, будет ему и яблоко, и пистолет.

– Я не хочу ни пистолет, ни яблоко.

– А по жопе?

– Тоже не хочу.

– А я надаю. Колите.

Крик, вопли, сопли, слюни, брыкание ногами.

Сестра:

– Может, его привязать?

Отец:

– Как-то негуманно. Он потом жене расскажет, она меня убьет. Расскажешь маме?

– Да-а…

– Колите так.

– А-а-а-а… Уберите от меня руки. Не на-до… Не-на-ви-жу… А-а-а…

Открывается дверь в кабинет. Главврач:

– Что тут происходит, крик стоит на всю поликлинику?

Доктор, показывая на ребенка:

– Да, собственно, вот…

– Понятно.

Дверь закрывается.

Отец:

– Давайте, я буду держать руки, вы, сестра, ногу, а вы, доктор, колите.

– А-а-а… ма-ма, я домой хо-чу, тетька – дура, дя-дя – дурак, а-а-а…

Отец:

– Ну, что?

Доктор:

– Здоровый, ёлки. А смотри, Никита, какой у меня есть молоток.

– У-у-у!..

– А смотри, что у дяди еще есть (показывает фонендоскоп). Держи. Быстро взялись.

Крики, визги, легкий мат, брыкание ногами.

Отец:

– Доктор, может, уже завтра?

– А что я главврачу скажу? Может, он выдохнется?

– Да конечно. Дома сутками может носиться. Так, сына, папе нужно ехать на работу.

– Ну, поехали.

– Бляха, чего не скажу, все против меня. Да это не больно.

– А-а-а, я к маме хочу… Отпустите ме-няяяяяаааа!..

Отец шепотом:

– Я отвлекаю – вы колите. Сына, мы с тобой потом поедем в магазин, папа тебе купит машину большую, пистолет, приставку, диски…

– А-а-а-а… не трогать меня. А-а-а… И вон ту шту-ку-у… (Показывает на фонендоскоп.)

Отец доктору:

– Это возможно?

– Ну, в принципе… мне выгоднее вам продать, ой, отдать фонендоскоп… нежели иметь бледный вид перед главврачом.

– Я же все понимаю, договоримся. – Сыну: – И ту штуку.

Операция прошла в течение сорока пяти секунд. Не было криков и воплей, зато потом были приставка, диски, машинка, пистолет и та штука.

У папы-банкира растет достойная смена. Скоро предстоит сдача крови на анализы.

Опять новый закон

Надо ж, какие молодцы, приняли закон о защите детей, все теперь значки ставят 14+, 16+, 18+, и сразу все стало по-другому. Вы заметили? Все изменилось. Из сериалов исчезла чернуха. В ток-шоу друг друга перестали материть. Сразу потрясающий эффект. Умнички.

Милицию в полицию переименовали – и все, людей в форме не узнать. Вежливые, порядочные, от денег лица воротят и говорят про «стыд», «мундир» и «за кого вы меня принимаете, меня, офицера полиции». Все – от рядовых и до генералов – в прекрасной физической форме. Любой может солнышко на турнике крутануть и отжаться восемьсот раз. Преступность побороли еще в самом начале. Издали отдельное приложение к указу, так и побороли.

Чего не примут, все только к лучшему.

Пенсионную реформу провели – старики из-за границ не вылезают, пенсии-то теперь позволяют. Книги пишут с впечатлениями о путешествиях. Все только и мечтают, чтобы скорей на пенсию выйти, как в армии дни в календариках зачеркивают. Как они там все это провернули?

Образование пореформировали – дети с книжками не расстаются. «Войну и мир» наизусть знают. Книжку не вырвать из рук. Как с ума посходили, только силой. Так они тогда в спортзалы бегут, спортом заниматься, а потом – пенсионеров через дорогу переводить, сумки им таскать да дрова колоть. У педагогов такие зарплаты – уроки по Интернету с Мальдив ведут. В университетах конкурс пять тысяч на одно место. Престижно стало вдруг. Чего ж они наверху такое сделали?

А с ТСЖ и управляющими компаниями кто придумал? Неужели ему до сих пор памятник не поставили? Почему города его именем не называют? Было – не передать, стало – сказка. Даже лучше. Казалось бы, невозможно, но нас приятно удивили – возможно. Опять, придомовые территории настолько чистые, гладкие и ухоженные – гольфисты завидуют. В подъездах такая чистота – анестезиологи плачут и просят операционные установить. Вода, свет, газ, тепло настолько без перебоев – люди сами батареи ломают, чтобы познакомиться с теми, кто все это обеспечивает.

В здравоохранении реформы провели – в поликлиниках никого. Врачи сидят без работы, теряя квалификацию. Педиатры ходят по улицам, умоляют детей осмотреть. Хирурги спиваются, благо спирта завались. Аптеки закрылись за отсутствием выручки. Как они так сделали, что нация выздоровела через день после объявления реформы?

В армии чего-то подреформировали – Япония с извинениями полезла. Америка предлагает Аляску отдать. Именно отдать, вместе со штатом Оклахома и доплатой. Гонцы из НАТО умоляют наших генералов покомандовать их блоком. Страшно им всем стало, не поспевают они за нами. Так у нас реформа поперла.

У нас и в экономике реформы прошли. Доход всем ото всюду. За коммуналку государство платит нам, зимой платит больше. В магазинах постоянные доплаты, в сезон больше. Люди озабочены только тем, куда деть деньги? Чего бы еще купить? Арабские шейхи гражданство просят. Евросоюз реально достал с просьбами о присоединении к нам. У нас ведь и борьба с коррупцией принесла потрясающий эффект. Коррупцию и взятки победили уже на следующее утро после объявления борьбы. Олигархи-чиновники сдали декларации, их спросили: «А откуда?», они ответить не смогли, все отдали и штрафы с процентами заплатили, теперь улицы зубными щетками чистят. Чиновники рангом ниже по квартирам ходят, выспрашивают, может, кого чего не устраивает, кому чем помочь. Надоедают своей заботой населению. Люди их гоняют, просят не тревожить, звучат оскорбления вслед. Мэры, губернаторы все обещания – под роспись. За невыполненное обещание – прилюдно на кол, видео в ЮТУБе. Все прозрачно, референдумы по расходу каждой копейки.

С пьянством разобрались на раз-два. Что-то там с правилами продаж и временем подправили – мужики Новый год встречают со свежевыжатым соком, а первого января в восемь тридцать на проходных стоят, на работу просятся.

Рождаемость простимулировали – китайцы с нашей территории в ужасе и с широко раскрытыми глазами убежали, теперь сидят, боятся за свою.

У нас одна проблема – это поиск проблем. Нет их. Что бы еще пореформировать?

Перспективы творчества

– А мы продолжаем беседовать в нашей студии с писателем Михаилом Нудным. Михаил, как вам уровень сегодняшней литературы?

– Странно, что вы называете это литературой. Ужасно. Ниже плинтуса. Все плохо. Мы все умрем.

– Вот вы написали девять тысяч восемьсот семьдесят шесть книг.

– И это за последние три года.

– Да. Где молодые писатели? Почему кроме вас и еще трех-четырех человек, таких же как вы, никого не слышно?

– А их просто нет. Утрачено и потеряно все. Вот мы, редакторы журналов и директора телеканалов, сядем и ну обсуждать: где молодежь-то? И каждый раз приходим к выводу: кроме нас, никто. А кто еще, если не мы?

– Вы являетесь главным редактором журнала. В этом журнале регулярно печатаются ваши рассказы, стихи, воспоминания, любовные записки из школы, кали-мали из детского садика… Почему вы не печатаете кого-то из молодых?

– Из меня, любимого: «Я смотрю на тебя, а ты на меня, смотрим мы друг на друга прямо. Что сказать мне хочешь ты, если немая от рождения ты?» Заметили? Есть слог, есть музыка, мысль, сюжет и настрой. А что пишут молодые авторы? Кошмар. Я никого не хочу называть, это некорректно. Все они тупые и глупые. Это плохие слова, я не хочу их говорить. Повторяю, все тупые и глупые.

– Недавно был снят фильм по вашему сценарию. Как прокат?

– Вы знаете, мы с режиссером взяли… неважно, сели, обсудили и пришли к выводу, что те двести человек, которые посмотрели наш фильм, это и есть цвет нации. Я им всем лично так и написал. А все остальные, кто не пришел, а еще хуже, кто пришел и через десять минут после начала ушел, быдло невоспитанное. Я же говорю, культура ужасающая, деградация на лицо. Но сейчас снимается еще четыре фильма по моим сценариям и двенадцать сериалов, в министерстве культуры мы так и решили – будем спасать родину, не дадим загнуться отчизне. Будем упорно продолжать снимать, а потом говорить о плохом качестве литературы, сценариев, кино.

– Я знаю, в театрах идет восемнадцать спектаклей по вашим пьесам. Как обстоят дела в театре?

– Театр, я считаю, на сегодняшний день умер как искусство. Если в прошлом году на спектакли по моим пьесам приходило по тридцать-сорок человек, то в этом – по двенадцать-тринадцать. Это ли не показатель культурного падения нации? Все, мы потеряли театр. Пьесы бездарные, постановки чудовищные, актеры сволочи. Спасают спонсоры.

– Тяжело находить?

– Да в общем-то нет. Есть у меня еще кое-где друзья, я звоню им, они звонят спонсорам, спрашивают, как с программным обеспечением, что с налогами, и спонсоры охотно идут на контакт. Разумеется, ради искусства.

– На каких трех китах держится ваша жизнь?

– Мой журнал. Мои стихи. Моя проза.

– А как же семья?

– А семья пусть гордится, что живет с гением.

Оптимист

– Кто сказал: работы ноль, перспектив никаких? Кто? Ты? Иди сюда. И свою компанию пессимистов зови. Работы завались. Не то чтобы работы, а, скорее, тем. В России тупо работать – тупо. Главное, сделать визу, годовую, на всякий случай. И знание языка. Очень пригодится. Счет за границей – обязательно. А иначе как? Вы там, а деньги здесь. Хорошо оденьтесь, стрижка, побрейтесь, одеколон. Если знаете, что такое совесть, – забудьте. Не знаете – не узнавайте. Бессмысленно. Какая разница, чем торговать? «Новогодние туры в Прагу, пять ночей, 6900! Быть не может? Может. Наши туры, наши автобусы, наши отели».

И молчать про два ночных переезда. «Хотите, мы вам еще визу сделаем за три тысячи?» Заткнуться про пятьдесят долларов в посольстве Чехии. Тема? Тема. Пара туроператоров купила самолеты, отели, ВСЕ остальные просто перепродают их туры, накручивая по десять-двадцать процентов. Пользуясь этим принципом, можно в газете на странице «Услуги» рядом разместить свое объявление: «Ремонт, установка, перетяжка, переоценка». Вам звонят, вы говорите, что займетесь лично и перезваниваете соседям по газетному столбику. Они пашут – вы контролируете. Вот вам маржа. Какая школа? Зачем вам институт? Взял кредит, снял палатку, привез обувь: «Покупаете две пары – третья в подарок». Очень привлекательно. Другое дело, кому нужно три пары мокасин? Но привлекает очень. «У нас квартиры по триста долларов за метр». Вопрос: с чего такие цены? Ваш ответ: а мы взяток не давали. Продавайте квартиры по три-пять-восемь раз, забирайте деньги, приятного полета. Кто сказал: банкиром в детстве хотел стать? Исполняю мечту. В Европе берете кредит под два-три процента годовых, у нас раздаете по двадцать-пятьдесят. И все, и вы уже банкир. С органами власти вообще работать, ой, мутить, одно удовольствие. Участвуете в конкурсах на ремонт крыш, домов, дорог, получаете деньги, нанимаете другие конторы, они пашут – вы под пальмой на лежаке. По прилету, тридцать процентов возвращаете тому, кто вам деньги дал, они вашу работу, естественно, принимают. Ждете следующий конкурс. Можно в политику сходить. Заходите в офис партии, говорите, что готовы на потраченный миллион вернуть четыре. Голосовать, пробивать, писать запросы, представлять. Там такие нужны. Там таких любят. Пробивных, бесцеремонных, не спрашивающих. Можно получать деньги даже не выходя из дома. Делаете сайт по продаже статей, книг. Первая страница – бесплатно, следующие – за деньги. Нанимаете девочку, лучше приезжую, сажаете на проценты, она пашет, правит тексты, писатели пишут – в надежде, вы в заботах: чего бы еще по телеку посмотреть? Там же, в Интернете, находите неизвестную марку чая или кофе (даже вкладываться не надо). Делаете собрание среди студентов и пенсионеров, рассказываете им про «элитный, лечебный», они побежали по городу, сколько они продали, столько вы и заказали, не больше. В конце года лучшим медали. (Это недорого.) Они счастливы, вы на Карибах. Тот же принцип – мебель под заказ! Индивидуально, эксклюзивно, дорого, с выездом дизайнера. (Дизайнера на проценты.) Сообразили? Ты в каком классе? В десятом? Кем хочешь стать? Мечтаешь мобильниками торговать? Ну и зачем тебе в школу? Иди нарабатывай клиентуру, начни с ворованных, потихоньку перейдешь на б/у, потом на новые, естественно, прошитые. Бросай ты этот портфель. Учиться нужно для того, чтобы что-то создавать. Вот не было ничего – и вдруг стало. Это для того, чтобы двести поросят да стадо коров вырастить, нужны знания, а чтобы наклейками торговать, оценки не важны и не нужны. А ты кем хочешь стать? Врачом? Смотрю на тебя и прям себя в юности вспоминаю. У тебя не будет сигаретки? Тоже без денег? Восемь рублей за две сигареты «Винстона»? Идет. Молодец, вот у тебя уже видны задатки. Далеко пойдешь, прямо до УБЭПа. У меня все подобные знакомые дотуда дошли. Кто-то еще дальше пошел, а кто-то вернулся и теперь выращивает, строит, создает. И я вот с кинетической энергией работаю.

Вот такое оно, ЖКХ!

Ну что, все получили квиточки и сказали: «Ух ты, ё… мать, да в рот вам ноги». Это я еще более-менее цензурно. Наше ЖКХ – это как какая-то бездонная яма. Черная комната с черной кошкой. Почему? За что эти циферки? С какого рожна? Утром по телевизору председатель, чего-то пытаясь объяснить, «расчеты, нормативы», окончательно запутывает ведущих. Нет выхода вообще.

– Обращайтесь в суд.

На что? На кого? Как мне ДОКАЗАТЬ, что ремонт не выполнялся? Что считать ремонтом? То, что на крышу кинули толь, это ремонт? Или нет? Или да? В одном регионе асфальт положили прямо на траву, истратив при этом семь миллиардов, и по актам все прошло. Государство нам когда-то сказало: приватизируйте квартиры. Мы приватизировали, а оно нам: приватизировали? Вот теперь сами с ними и е…тесь.

Хорошо, если в доме четыре-шестнадцать квартир, а если квартир пятьдесят-сто-двести? Злость вызывает еще и то, что по общедомовому счетчику у всех цифры в квитанциях разные. Загляните в соседний почтовый ящик. Логика: тот, кто больше всех платит, тот и будет больше всех платить. (Согласно принятому постановлению депутатов.) Тот, кто не платит, может, в принципе, вообще не платить.

И вот сидят бабульки в сберкассах, с бумажками в руках: «Долги пришли за что-то, пересчитали там мне что-то». А потом в магазин, а из него с килограммом риса или вермишели и полбулки хлеба в СВОЕМ пакете пойдет домой, по улице одного из богатейших государств мира. На наш вопрос: «А кто виноват?» – следует их ответ: «А… его знает!» И наши покачивания головой, понимающие глаза и бормотание: «…вот все у нас так…»

А в это время пацаны, одуревшие от денег, «бентли» тюнингуют. Да недвижимоть скупают районами, они полагают, что их дети там будут счастливы. И тот, кто пытался по телевизору разобраться в тарифах, не знает, куда деньги в коробках девать. Ежедневно такая задача перед ним. Некогда работать. Каждый день что-то падает на счет – и наликом коробки денег.

А вечером нам будут рассказывать, что все только улучшается. (Кстати, за наши же деньги.) Что где-то чего-то запустили, что кто-то где-то побывал и теперь улучшится вообще. И врут они нам, поэтому с охраной везде и стекла в машинах со шторками. В Европе президенты, премьеры, короли да принцы на велосипедах по городам передвигаются, им не стыдно в глаза людям смотреть. Они делают все, что возможно.

Почему же нас так не любят? Не то что не любят, а, скорее, ненавидят. За что? И бред по телеку, и в магазинах плохое, и урезают, сокращают, обманывают. Мы же им вроде нигде не мешаем. Мы с ними вообще нигде не пересекаемся. Более того, когда они всему этому научились? Вроде бы в одних школах учились, в одни пионерлагеря ездили. Они нам регулярно какую-то статистику, что лучше стало, у нас самих же. Поднимите руку, кому за последние два-три года повысили зарплату? Кому? Не вижу рук. Смелее. Но при этом каждые полгода мы слышим о повышениях – «небольших, чуть-чуть, там буквально процентов пять-шесть, это по карману не ударит, существенно».

Наверное, уже никто не удивится, если завтра в почтовом ящике увидит счет за воздух (14 рублей), за проход к дому (чисто символически – 37 рублей), за то, что живет вообще на этой земле (буквально 21 рубль), за то, что у тебя дети (несчастные 8 рублей с ребенка), ну и вообще, так, просто (11 рублей, не спрашивайте, мы еще не придумали). А потом несущественный, небольшой такой налог – 0,1 копейки за вдох и 0,2 за выдох и загрязнение окружающей среды. Попросят, вежливо, установить счетчики, а кто нет, с того будут брать по максимуму, с большого объема легких, там тоже тариф разработают, тоже несущественный, минимальный. Постараются убедить, что со счетчиками вообще по карману не ударит.

Для удобства одна контора наладит выпуск и их установку, ну и каждые два года поверка обязательна. За небольшую плату.

Звонок

– Здравствуйте, Андрей, я был на вашем моноспектакле и хотел бы предложить сотрудничество.

Приезжаю в ресторан.

– Добрый день, Андрей. Будете пиццу, правда, я ее уже соусом залил? Попросить еще одну тарелку или из одной будем есть?

– Нет, спасибо.

– Может, вы меня помните, мы года три-четыре назад к вам подходили и просили помочь в рекламе нашей акции «Стань молодцом и дай нам двести рублей». Вы как-то тогда не очень.

– Да, я помню. Много в итоге собрали?

– Кое-что. Нас еще потом кое-куда вызывали, кое-что спрашивали… У меня есть новая тема. Шампунь.

– Какой шампунь?

– Элитный. Лечебный. Противовсегойный. Это уникальная технология. Секрет хранится на высоте восьми тысяч метров под уровнем моря.

– Вы от меня чего хотите?

– С нами уже работают такие известные люди, как Леша Сенцов, Ваня Мороз, Владик.

– А кто это?

– Вы что, не знаете Владика?

– Нет.

– Это мировые знаменитости. Итак, что вы для нас можете сделать?

– Простите, это ж вы мне хотели что-то предложить.

– Мы вам предлагаем получение наших очков.

– Вы мне предлагаете продавать ваш шампунь?

– Да, но нет. Нет, но да. Только в прошлом году мы заработали на территории области двадцать миллиардов фунтов. А один заработал двадцать пять миллиардов.

– А кто это?

– Эту информацию нельзя разглашать, но мы открыты. И это мы еще на рынок толком не заходили. Вообще все в шоке. Такие перспективы, такие доходы.

– Я здесь при чем?

– Мы решили вам помочь. Мы хотим, чтоб у вас был доход.

– Суть?

– Мы от вашего имени всем рассказываем и рекламируем этот шампунь, люди покупают, идут чеки, потом они превращаются в цифры, по окончании квартала они переводятся в буквы, буквы в иероглифы, они уже в проценты. По окончании года вы получаете киловатты с помощью пересчета в барометре. Все очень просто. Поражаюсь, как я до этого раньше сам не додумался?

– А если у людей будут проблемы из-за этого шампуня, который вы рекламируете от моего имени?

– Какие проблемы? Вы думаете, почему Шарон Стоун так выглядит в свои девяносто лет?

– Ваш шампунь?

– Конечно! Вы думаете, почему сохранились многие памятники старины? Потому что их ночью тайно поливают нашим шампунем. У нас же лично для вас уникальное предложение. Мы предлагаем получение двухсот кацупов с каждого пацуна. Сразу. Могу сказать, что даже Дэвид Бекхем получает сто пятьдесят кацупов. Это по секрету. Вы можете это все легко проверить, мы открытая компания, но это закрытая информация.

– Давайте, мы сделаем вот что. Я сейчас уйду. Вы переведете это все на русский разговорный язык и сформулируете предложение.

– Ну, в общем, понятно. То есть пиццу, стакан чая я покупал зря.

Так они и перескакивают с продаж чего-то на продажи чего-то. Хуже всего то, что молодые люди теряют самое драгоценное – время своей жизни. Молодое, продуктивное. Те самые двадцать – двадцать восемь лет, когда создается база для всего последующего. Не повторяйте.

Банк: апокалипсис в зале для коммунальных платежей

Мужчина:

– Девушка, вы не поможете мне разобраться с этим аппаратом? Я вообще ничего не понимаю.

– Дайте пройти, посторонись, бабуля, вот платок, деда поднимите, вызовите «скорую», тут женщина рожает, и не надо в окнах висеть, воздуха им, видишь ли ты, не хватает. Здравствуйте, тут все очень просто. Пойдемте к другому аппарату, этот не работает. У этого купюроприемник сломался. У этого система слетела.

– А зачем тогда туда люди стоят?

– Это вы меня спрашиваете? У нас из тридцати терминалов работает только два, но как! Вставляйте вашу карточку.

– Какую карточку?

– У вас что, нет нашей карты?

– Нет.

– А как вы вообще живете?

– А зачем она мне?

– Чтобы за квартиру платить с нее.

– А я и так заплачу.

– Зря. Могли бы элементарно встать в ту очередь двести сорок пятым, очень просто спустя восемь часов получить карточку и так же, проще некуда, подойти к этому терминалу. Ну, нажимайте сюда, теперь сюда…

– Сюда?

– Нет, сюда.

– Ой, я, наверное, не туда…

– Ничего страшного, давайте заново, заодно научитесь. Не орите там сзади, ждите, видите, у него двадцать восемь квитанций, так что к этому терминалу очередь не занимать, идите к другому, единственному. И смотрите под ноги, аккуратнее, там все-таки люди лежат. Жмите сюда, ага, теперь сюда, все очень просто, сюда, а теперь вводите цифры.

– Какие?

– Которые у вас в квитанции.

– А если я ошибусь?

– Тогда будете как тот мужчина, сидит, плачет, двенадцать раз за квартиру заплатил «не туда». Поэтому внимательно.

– И что, деньги ему не вернут?

– Элементарно нет. Тут у нас все очень просто.

– Мне нужно за садик тысячу двести заплатить, а у меня пятитысячная купюра.

– Никаких проблем, три восемьсот вам упадут на мобильный.

– Так мне всю зарплату дали шестью купюрами по пять тысяч, мы чего есть будем целый месяц? Мой баланс на мобильном?

– Возьмите кредит.

– Какой кредит?

– Да любой, это просто. Маленькими купюрами, к примеру.

– Вы чего тут, все с ума посходили?

– У нас просто произошла реорганизация, оптимизация, автоматизация, и все для вашего же блага. Платить будете?

– Вы как чего-нибудь пореорганизируете… Идите вы…

– Ну, тогда удачи в аэропорту перед вылетом за границу. Так, чей ребенок? Я спрашиваю, чей ребенок? Здравствуйте, у вас есть дети? Нет? Держите, теперь будут. И не засыпать там на подоконниках. Наглый какой, один развалился на целом подоконнике. Кто тут еще не дышит? Эй! А кто платить будет? Так, кто передаст квитанцию родственникам?

Два взгляда на одну проблему

Двое…

– Я вот чё думаю, то, что бензин на… опять скаканул, это ж ну… ну, не очень же. Опять цены на продукты и все такое сопутствующее полезут вверх. Опять приходишь в магазин, и как-то не позитивно на душе. Открыл лопатник, посмотрел на цены, и негативно как-то стало.

– Да это же здорово! Больше ходить будем, так сказать, пешком от геморроя. Легкие проветриваются, здоровья прибавится. Велосипеды из подвала достанем, смажем цепь солидолом, брючины закатаем, в детство окунемся. Спасибо надо сказать.

– Да пошел ты. Ты мне еще лошадь посоветуй купить.

– Почему бы и нет. И бричку к ней.

– Остряк. Я никак не догоню, у нас же бензин под ногами, оно же наше, всех. Как так-то?

– Ты опять не понимаешь. Сколько лет уже объясняю. Там же переработка, акцизы, доставка, налоги, соотношение цена – качество, переменный ветер, возрастные ограничения и сексуальный опыт. Это ж все учитывается при транспортировке до станции переработки, откуда на места с применением последних разработок в отрасли. По-другому никак. Теперь понял?

– Давай по-простому, на огурцах. Смотри, я выращиваю на своем огороде огурцы, для меня они стоят… да ничего они не стоят. Соседям я их продаю за сколько хочу. Одному подороже, другому, с усами, подешевле, потому что я с ним провожу свободное от безделья время. И как получается, что у них мои огурцы дешевле, чем у меня самого для моих же детей?

– А я не знаю, как у тебя так получается?

– Это у них так получается. Одни в золоте купаются и получают миллионные премии да бонусы по итогам работы за неделю. Другие высчитывают расход бензина своей машины и заправляются по три литра, думая, как бы не заглохнуть в степи. А оно же наше, нефть-то общая. Перекос тут очень сильный.

– Да ты по-другому на это посмотри. Если прям доход от продажи газа и нефти будет распределяться поровну и все будут богатые, это что получится? Все на «ламборджини»? У всех яхты, виллы? А для кого тогда будут собирать «киа» и «хюндай»? А кто будет в развалинах жить? Кто будет в супермаркеты ходить да тухлятину покупать? Или что, выкидывать прикажешь? Да ты вообще знаешь, что такое богатство?

– Нет. Но я бы хотел узнать.

– Не надо тебе этого. Не жил богато и не надо начинать. Это ж вечные проблемы – куда деть деньги? Ну, куда мне опять этот бонус засунуть? А у тебя что за проблемы, голь перекатная? Зарплату получил, за квартиру отнес, садик, школу проплатил, взятку отдал, два литра бензина в машину брызнул, полторы тысячи на еду осталось и думать не надо чего купить. Красота. Спасибо должен сказать. Теперь меньше денег на еду останется, печень, желудок да почки хоть отдохнут. А ты все возмущаешься: «Опять цены на бензин поднялись». Надо возмущаться, что мало поднимают, да редко к тому же. Опять же, преодолен психологический барьер. Преодолен? Преодолен. Молодцы? Молодцы. К тому же повод хороший, круглая цифра.

– Кстати, да. Можно прийти домой и сказать жене: «Имею право, повод железобетонный. Круглая дата».

– А так как ты теперь реже будешь ездить на машине, возможно, вообще не будешь, можно из этого состояния не выходить вообще.

– Надо ж, как оно все обернулось-то. Две минуты назад я возмущался, а теперь я им даже в некотором смысле благодарен.

– Я ж тебе говорю, важно, КАК посмотреть!..

Перекос

Наши чиновники, видимо, живут где-то в другом измерении, на планете Гамма Цефея, а мы, простые смертные, – здеся, вот прямо тута, на Земле, вот и выходит, что между их словами и нашей жизнью получается нехилый зазор.

То главный санитар бомбанет: мы, оказывается, пить стали меньше… То психиатр сказанул: у народа сейчас осенняя депрессуха. Они, видимо, предполагают, что это главное, что волнует народ. И сидят они где-то в космосе, и советуют, как нам бороться с депрессией. Для начала они нам советуют есть побольше фруктов, овощей, зелени, мяса, рыбы и йогуртов. Я так понимаю, главное в этом предложении слово «побольше». Прям так и говорят: «Нравится черная икра и балык? Ешьте, пожалуйста. Не отказывайте себе ни в чем! Можно».

На работу нам советуют ходить пешком. Дабы вдыхать ароматы поздних трав и воздух, напоенный дымом костров. Может, у главного психиатра дорога и проходит через все это. Там луга, девки с коромыслами по воду, крестьяне. И барин проезжает мимо, погоняя кучером. Но народ в большинстве своем и живет и работает в городах.

А тут кроме выхлопных газов и алкогольных паров по утрам вдыхать нечего.

Андроиды советуют нам побольше спать. Видимо, на их планете с девяти вечера тишина. А на планете Земля с девяти вечера – самый разгул, соседи с девяти вечера начинают батареи менять. На прилегающей улице мотогонки без глушителя. С другой стороны во дворе «мутки». Жена в ванной устраивает постирушку. Ребенок орет. Вот так на планете Земля.

Гуманоиды советуют окрасить нам нашу жизнь в яркие цвета. Заменить лампочки в квартирах на более мощные, сменить обои с темного (внимание!) ТЕКСТИЛЯ на яркие. Я, конечно, понимаю, что на планете Страдивариус ремонты проходят каждые полгода. Но на планете Земля ремонты проходят раз в пятьдесят лет. И люди о них пытаются забыть как о страшном сне.

А еще нам советуют драмаденты для снятия стресса шоппинг. Рецепт: «возьмите деньги и купите себе новую вещь». Возможно, в их измерении деньги лежат в каждом комоде. Но у нас тут денег, нет! Возможно, потому что они лежат в их комодах. Возможно, тут есть связь.

Потрясающе, говорят страхоблуды, снимает депрессию поездка в теплые края. Ультрафиолет способствует вырабатыванию гормона счастья. Действительно, продали свои машины, квартиры – и ну на Мальдивы! Десять дней отдохнули, а потом там можно оставаться в качестве прислуги. По пальмам лазить да кокосы сшибать. И с туристами фоткаться в качестве аборигенов.

В конце концов, советуют нам лабодубые, живите сегодняшним днем. Прошлое уже позади. Ну, действительно… А что?.. Взяли кредит? Забудьте! Не отдавайте! Сын двоечник? Не обращайте внимания! В квартирах дубак? Дома вот-вот развалятся и ЖЭКи ничего не делают? Будьте на позитиве!

Единственное, что мы можем сделать, руководствуясь советами великих Незнаек, это поплакать. Плач, или в нашем случае вой, способствует избавлению от большого напряжения… А еще подумайте о том, что кому-то, может быть, еще хуже. Кому-то где-то в нищих странах типа Чада, Эфиопии или Монголии…

Вот тем и живем. Сил двигаться вперед дает осознание того, что где-то кому-то еще хуже, чем нам. И чувство юмора. Вот за это спасибо генофонду. Потому что, если бы не оно, депрессуха продолжалась бы круглый год.

Вот такой попадёж!

Несколько событий произошло прежде, чем я пишу этот текст. В одной корпорации (я помогаю, хорошая знакомая там работает, попросила) отказались играть мой номер, потому что забоялись. Забоялась молодежь. МОЛОДЕЖЬ!!! «Слишком остро. Уволят. А вдруг не понравится начальству?» Когда мы покупали нотик, молодой человек сказал, что не окончил институт и работает сейчас продавцом. У меня в друзьях много молодежи. Читайте, копируйте, раскидывайте. Ребята, нужно заниматься тем, что вам нравится. Только так. Работайте в кочегарке, зарабатывайте так называемые деньги, но если нравится писать стихи – пишите. Нравится придумывать что-то техническое – придумывайте. Ночью, в пьяном угаре, но пишите, не бросайте. И мы в Москве разгружали вагоны и перед пьяными выступали в кабаках. Мобильниками торговать можно и в пятьдесят лет. У вас не так много времени на самом-то деле. Потеряете где-то в корпорации пять-семь лет – и все, вас выбросят на улицу. Будьте смелыми, пробуйте, получайте за это люлей, что неизбежно, но пробуйте! Обязательно. Не ссыте. Будьте дерзкими. Не бросайте задуманного! «Не получилось? Я по-другому попробую». Вот так надо. Именно по-другому и попробую. Посмотрите на тех, кто сдался. Никакие. Пресные. С зарплатой, но стабильно двадцать – двадцать пять тысяч рублей. И никаких возможностей. НИКАКИХ!!! Только не надо про трудности и обстоятельства. И сидя в такси, можно писать пьесы. И засыпая голодным, можно выдумывать. Проверено.

«Почему же мне так…»

Почему же мне так не нравятся понедельники? Дело даже не в том, что конец выходных, и то, что нужно рано вставать, и накануне не отдохнуть как следует, и не задержаться где-то, и нужно ложиться раньше. Хотя и в этом тоже, но в меньшей степени. Дело в том, что в понедельник утром на ум приходят вопросы, на которые люди не знают ответов. «А чем же я вообще занимаюсь? А нужно ли это кому-то еще, кроме меня самого? А хватит ли денег, если я буду продолжать этим заниматься? А каковы вообще мои перспективы? А вот у меня дети… а что же, а как же?» Это состояние именно утром по понедельникам. И люди находятся в некоторой прострации, даже те, кто занимается любимым делом. Может быть, поэтому по понедельникам относительно небольшие пробки на дорогах и все едут как-то потихоньку. В офисах непривычно тихо. В автобусах негромко. И совершенно не позитивно вообще. Потом начинаются звонки, дела, беготня, обед, вторник, среда… и как-то спокойнее, скорее радостнее, что ли. Это как в машине, когда вдруг перестает работать радио. Хоп, и тишина, и непривычно. И вдруг мысли какие-то пугающие. И ты начинаешь крутить, нажимать на кнопки. «Только не пугающая тишина». Или когда вечером выключается в квартире свет. Хоп, и можно спокойно говорить, можно даже беседовать, и никто в квартире не орет, и у всех желание – «скорей бы приехала бригада монтеров и починила электричество». Вот по понедельникам происходит та самая пугающая тишина – на улице, в голове.

Пятница

Вся неделя ради нее. Жизнь бьет ключом уже с самого утра. Уже с самого утра, как правило, все удается. Вот идет, пошлО. Планы, созвоны и прощупывание перспектив. Все одеты, ну скажем так, фривольно. Девушки с каким-то загадочным видом ходят по офисам. Уже чего-то замутили. Начальство чего-то тоже напланировало.

(В понедельник можно будет судить: сбылось – не сбылось. Да, собственно, на утренней планерке. Вот, прям, по крикам из кабинета. Кричит – значит, рыбалка удалась.) В Интернете все игривые, комментарии в пятницу более ироничные. Походка у людей по пятницам более уверенная, они знают, куда и зачем идут. Они идут куда-то именно за чем-то, точно зная, за чем, и добьются своего. Или наоборот, не зная куда, но надеясь на приключения. Свистни, крикни, люди сбегутся, можно продолжение вечера обсудить. Добрее, что ли, люди по пятницам. Одеты ярче, веселее. В этот день ты планируешь свое будущее, ну хотя бы на два дня. Его можно спланировать до минуты. И сама эта возможность очень радует. В остальные дни – не-а. «Чего планировать? Я и так все знаю наперед. Уже столько лет одно и то же». А в пятницу тебя ждет какая-то перспектива. Ну, такая, хорошая, красивая, сама на себя зарабатывающая, добрая и с собственной жилплощадью. Ужасно в пятницу начинать болеть. Отвратительно. В понедельник, вторник – нормально, к пятнице должен оклематься, а вот в саму пятницу… В магазинах народ, набирая спиртное, вызывает понимание у стоящих сзади, а в некотором смысле и удивление вместе с уважением. «Смотри, сколько набирают, а-а, этот ящик тоже ваш?! Ну, вы даете. Молодцы, ребята. Смело». Поэтому жены мужьям начинают по пятницам названивать часиков с трех: «Ты когда будешь идти домой, не забудь купить хлеба. Батарейка на телефоне садится? Я тебе отключу телефон! Ты у меня ночевать во дворе будешь!» – «Я имею право, пятница же». Кого-то в театр ведут, но при жестком условии: «после театра – в бар». Только при таком условии. У всех такое состояние… готовы на рывок. Способны сорваться. Все награждения по пятницам с обязательным отмечанием и переходом в другое состояние. Но самое главное, ты ждешь событий. Что-то должно произойти. И не через год-два-пять, а сегодня.

Год эдак 2001–2002. Собрание где-то

– Я вот что думаю. Чего-то радио, газеты, телевидение совсем распоясались. Давайте-ка мы им начнем деньги предлагать от государства. И назовем это информированием населения. Кто сказал, не возьмут? Если у ТВ-канала бюджет три миллиона, а мы будем предлагать два с половиной, кто откажется? Новости пусть строят по принципу: первый сюжет – страшилка, как плохо у них; пару сюжетов о том, как хорошо у нас; следующий сюжет про то, что у нас будет еще лучше, и что-то забавное. Между новостями – бред сумасшедшего. Сходите в больницу, послушайте, кто чем бредит, запишите. В Интернет вбрасываем порнушку, избиения, извращения, говорим, что «за последнее время участились…» – да все что угодно! А как они проверят? Перекрываем доступ. Смотрим, чё будет. Сначала – по техническим причинам – на день-два. Потом – под предлогом «избежаний и провокаций» – на месяц-три… да на сколько захотим! Практически бесплатно раздаем мобильные телефоны, они передают о местах нахождения, мы видим, где кто находится. Мне не нравятся эти кодовые замки на подъездах. Вешаем электрические – теперь можно блокировать и решать, впустить или не впустить людей домой. Вокруг городов ставим людей с автоматами под видом гаишников. Людей в форме и с оружием одеть, обуть, повысить зарплаты. Людям без формы сократить предметы в школах, основной упор сделать на физические упражнения. Тем, кто пишет, сочиняет, раздать гранты. Пусть творят под присмотром, а в конце еще и отчитываются. Внедряем систему, при которой каждого выезжающего за границу можно задержать. Для этого создаем запутанную и непонятную систему штрафов и платежей. Конституцию подправить, чтобы все формулировки были размытыми и неясными. Чтобы любого можно было задержать до выяснения обстоятельств. «А что вы делали, к примеру, 2 декабря 1997 года в два часа ночи? Пройдемте». Нужно добавить в законы больше субъективизма: «А МЫ считаем, что у вас несоответствующие условия для воспитания детей».

Подумайте, как сделать, чтобы в домах у людей поставить стеклянные стены. И обязать спать при свете.

И неплохо было бы каждому поставить клеймо на голове. Небольшое. Спереди, сзади и по бокам. Разъясните, это вместо имен и фамилий, так удобнее, объясните плюсы. Вокруг домов снести заборы и натянуть красивую колючую проволоку. Обязать каждого писать небольшой отчетик за неделю. Поначалу можно в шуточной форме. Со временем – ежедневно и в развернутом виде. На улицах поставить калитки, опять же за счет государства, это подчеркнуть, раздать карточки. У каждой человек в красивой форме, собирает анкеты с описанием цели похода, куда бы то ни было, смотрит сумки, снимает отпечатки. Впоследствии ввести систему сопроводительных документов. У каждого печать. Печати всем раздать за счет государства, на это обратить особое внимание.

Как же они нам все дорого обходятся, эти, как их… Да какие они уже избиратели? Да как же их? А! Вспомнил! Россиянцы!

«Вечер. Муж с женой…»

Вечер. Муж с женой в спальне.
– Маш, Маша, Ма-шу-ля.
– Чего тебе?
– Ну и?..
– Ой, давай не сегодня.
– Ну и не надо.
Отвернулся.
– Вить, Витя.
– Чего?
– Ну и чего?
– Да не надо мне уже ничего.
– Разлюбил, так и скажи.
Отвернулась.
– Маш, Маша, я же пошутил.
– У меня уже настроения нет. И шутки у тебя дурацкие.
– Ну, Машулечка, ну, Машуненочек.
– Как ты вот умеешь всю романтику обосрать.
– Кто, я?! Нормально!
Отвернулся.
– Вить, Витя.
– Я спать хочу.
– Какие мы обидчивые. Это где это у нас тут?
– Я уже сплю.
– Ну и спи.
Отвернулась.
– Маш… А, Маш… А я уже не сплю. А я уже совсем не сплю. А я уже завелся.
– Ты чего, специально все это? Ты что, завел себе там кого-то?
– О-о, началось!
Отвернулся.
– Вить… Витюня, ну давай быстренько, поздно уже.
– О-о, времени-то уже сколько, завтра вставать рано.
– Да пошел ты.
Отвернулась.
– Маш, Маша… Чего ты там говорила про быстренько? Ну, Маш…
Никто не хотел засыпать виноватым.

Отзыв об отеле

«Мы отдыхали в этом отеле уже в двадцать третий раз, и опять разочарование.

Сразу скажу, отель так себе. Смело вместо пяти звезд можно ставить минус двенадцать. Территория огромная, за день не обойдешь. Устали. Номер дали небольшой, всего шестьдесят восемь метров на троих человек. В номере метровая плазма, джакузи, терраса, но не было павлинов и гепардов, а я очень люблю павлинов и гепардов. К тому же после удара ногой моего пьяного мужа о кран, он дал течь, а дверца у тумбочки отвалилась, когда мы на нее решили поставить кровать. А после того как мы в кондиционер бросили стул, он стал шуметь. Попросили переселить. Дали номер ближе к морю – холодно. Опять попросили о смене номера, поселили рядом с бассейном – жарко. Каждый день мы меняли номера, устали, это очень выматывает. Стоит отметить, что мебель в номерах не антикварная, а вода из унитаза невкусная. Море мутноватое, особенно возле берега, особенно когда заходишь в воду и шевелишь ногой по дну. Минусы – можно наступить на камушки и песок. Вода не очень прозрачная, особенно когда в нее… желтая какая-то. И вообще оно далековато было, попросили пододвинуть море чуть ближе к нашему номеру, реакция ноль.

Кормили, прямо скажем, без изысков. Было пятнадцать видов мяса, двадцать видов рыбы, пирожные-мороженое, работали рестораны, но не было чего-то эдакого. Я даже не знаю, чего конкретно. В мексиканском ресторане еда острая. И представлены не все фрукты мира. Посуда без вензелей королевских домов. И персонал не вытирал мне рот платочком. Это минус.

Номер убирали плохо. Только один раз в день. И из полотенец делали лебедей с цветочками, а я хотела дворец Шехерезады. Мы специально спрятали монетку под шкаф, так, представляете, уборщик ее так и не нашел. Нашему возмущению не было предела.

В коридорах плохая акустика и нет оригинальных картин Шишкина.

Из персонала не все излучают позитив. На наши матерные замечания бармен отвечал не улыбаясь. В баре всего пятьдесят видов спиртного, и муж ходил расстроенный, он-то хотел самогона, как делает его друг Семеныч. И не было пельменей, как делает моя мама.

Анимация в отеле слабая, нас не зацепило. Тогда, когда я хотела плакать, на сцене выступал клоун, когда хотела смеяться, кто-то на сцене пел. И не было фейерверка, как на открытии олимпиады. Это минус. Развлечений ноль: фонарей не побить, от ментов не поубегать, даже элементарного концерта Бритни Спирс не было.

На мою просьбу расширить бассейн хотя бы на тридцать метров, а горку поднять градусов на сорок администрация отеля не отреагировала никак. Вообще, вода в бассейне мокрая, пластмассовые лежаки слишком уж пластмассовые, у деревянных нам не понравилась порода дерева.

На пляже грязно, за мной не успевали подбирать окурки, семечки, бумажки, поэтому грязно. И еще один минус – теснота. Я прям видела в бинокль, как мужчина одевает очки, а это стесняет мое личное пространство.

Мы взяли с собой фотоаппарат, но что сфотографировать – мы так и НЕ НАШЛИ.

И солнце заходило то слишком медленно, то уж очень быстро, и сама страна как-то уж очень далековато расположена от нашей. Эти наши намеки на рецепции не вызвали никаких действий.

Мы вообще не привередливые, но мне кажется, все вышеперечисленное – элементарные вещи.

И напоследок, в самолете было слишком высоко».

С уважением, жительница совхоза «Запудрищенск» Клава Бутылкина.

Ко мне подошел поэт

– Здравствуйте, Андрей, мне дали в одной редакции ваш телефон, можно я вам свои стихи почитаю?

– Давайте.

– Про любовь. «Я люблю, и был любим тобою,/ Но прошла весна, любовь ушла,/ А вместе с ней и ты,/ Но наступила осень…»

– Есть что-то еще?

– Да. У меня стихов целый блокнот. Я их быстро пишу, по семь-восемь в день. Вот, к примеру, про политику: «Ты президент, да ну и что,/ К чему все эти откровенья,/ А я граждан и ты гражданин…»

– Как вас зовут?

– Вадим.

– Вадим, а от меня-то вы что хотите?

– Может, вы что-то посоветуете.

– Что вам посоветовать? Пишите понятнее, чтоб я понимал и как минимум был согласен. Чтобы ваши стихи были и про меня.

– А может, я чувствую по-другому. Вы послушайте.

– Не надо.

– Про погоду: «Хорошо, когда на улице дождь,/ И снег когда идет, тоже неплохо,/ Да и солнце светит…»

– Вадим…

– Но когда идет снег…

– Хватит. Вы что хотите сказать этими стихами?

– Я хочу выразить себя. У меня есть еще про чувства.

– Не надо.

– Да ладно, соседям понравилось: «Чувства, чувства, чувства вы мои…»

– Вадим, сколько вам лет?

– Сорок два.

– У вас есть дети?

– Трое.

– А жена?

– У меня, кстати, есть про жену и детей стихи. Сейчас найду.

– Вадим, у меня совершенно нет времени.

– Ну, я же ехал, чтобы вы меня послушали, неужели у вас нет пятидесяти минут?

– Дело не в этом.

– А-а, вот, нашел: «Я пишу, а ты у плиты,/ Вместе мы семья, и только./ Дети у нас тоже есть./ Здорово, что вместе мы…»

– Вы работаете где-нибудь?

– Я как начал писать, завязал с работой. Уже год, как сижу, творю. Нашел себя. Знаю, как выразить то, что я вижу и как ощущаю.

– Кто вам дал мой номер телефона?

– Мне сказали не говорить.

– Давайте, мы поступим следующим образом. Вот вам номер телефона редакции, только ни в коем случае не говорите, кто вам его дал, предложите, они, может быть, напечатают.

– Спасибо. Так я пошел?

– Ага.

Так он и ходит, из редакции в редакцию. И никто не может ему сказать – тонкая творческая натура.

«Молоденькая журналистка…»

Молоденькая журналистка звонит нашим туристам в Болгарию:

– Здравствуйте, я делаю сюжет о том, что турфирма, которой вы летели, обанкротилась, как у вас дела?

– Все нормально.

– Но ведь вам через неделю улетать, а она обанкротилась, извините, может, вы не знали, а я вас огорчила.

– Мы знали. Но нам сказали, что наш отель и самолет оплачен.

– То есть у вас все нормально?

– Да.

– А вам не кажется это подозрительно?

– Нам? Нет.

– И что, и туда долетели нормально, без задержек?

– Да.

– Может, у вас паспорта забрали?

– Да, забирали.

– И не отдали?

– Отдали.

В сторону:

– Вот елки… Может, заселили в комнату для обслуги?

– Нет, нормальный номер дали.

– Мы же здесь все волнуемся, я про вас сюжет должна сделать.

– А чего за нас волноваться, ходим, едим, купаемся, пьем. Это мы за вас должны волноваться.

– Может, вас кормят плохо?

– Отлично кормят.

– А деньги у вас не просили?

– Просили.

– Вот. А вы?

– А мы послали этого с журналом про массаж.

– Понимаете, мне нужно от вас несколько негативных слов записать.

– Да все у нас нормально, вон, пиво несут.

– Может, с погодой не повезло?

– А при чем здесь турфирма?

– Ну да. Так у вас все нормально?

– Да. А если вы сюжет будете делать, можно привет передать?

– Не надо. Хорошего вам отдыха и незабываемых впечатлений. (Кладет трубку.) Вот сволочи!

Маршрутка

Раннее утро, впереди путь на маршрутке Дом – Работа. Стою на остановке, подъезжает бренча, ухая и дымя. Скрипнули тормоза, чего-то отвалилось. «Как оно вообще ездит? И ведь техосмотр пройден». Стоим, ждем, когда набьется до отказа пространство салона. И вот я внутри движущейся капсулы с такими же, как я, игроками в русскую рулетку, а лучше сказать, в русскую маршрутку. Водитель: лысый, с синими рисунками на теле молодой человек в наглухо черных очках. Жесть началась сразу, без предисловий и раскачки. Не успев закрыть дверь, мы пошли на взлет. Какой-то дед, прервав рассказ о том, как он в армии боялся прыгать с парашютом, стоя на последней ступеньке и держась за поручень, крикнул: «Двери закрой, а то я выпаду…» И вот мы мчимся по проспекту с открытыми окнами, которые НЕ закрываются. Стрелка спидометра стремится к концу полукруга, страх увеличивается по мере набора высоты. Обгоняем малогабаритные машины – летим, короче! Что там МИГи? Что там СУшки? Истребители курят. Едем, как бы это сказать, да как хотим, так и едем. Обгоняем справа, по встречке… короче, где угодно и как угодно. Трогаемся, когда с подножки пассажиры не сошли, кого-то может дверью защемить, и он, как воробушек, орет в улицу: «Погодите, еще не все вышли». Тряска в салоне такая, что людям с похмелья туда категорически запрещено, крыша может поехать. Подпрыгивают на сиденьях и стар и млад. Держась за поручни, бабули выписывают неприличные па. Эротическое шапито на колесах. Никто не разговаривает, все сосредоточенно молятся. Нежданно и незапланированно светофор становится красным. Стрелка ползет обратно так быстро, что все, кто стоял, с криками летят вперед. Передохнув на остановке, с которой выезжаем так, что нам все равно, пропускают нас или нет, летим дальше, обгоняя всех и вся, соревнуясь с другими маршрутками, ведь наш водила завелся с другим в догонялки играть. Народ потирает лбы с растущими шишками. Ближе к какой-то улице поток машин сгущается, и мы планируем между ними, сокращаем путь. «Так короче», – сказал он, и пахнуло чем-то вчерашним. И тут наш водитель-хранитель вспоминает, что у него есть – о чудо! – семечки, и насыпает рядом с собой, одной рукой выбирая семечку покрупнее, второй крутит баранку, нога давит на газулю. Цезарь, тоже мне. Я-то надеялся, что он их хоть с кожурками начнет есть, не-а. Одной рукой берет, в другую плюет, прижав ее к рулю. Но вот незадача, начинают передавать деньги вновь вошедшие пассажиры. И не дай вам бог протянуть пятисотенную, а еще хуже – тысячную купюру, за пятитысячную –…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.